

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ДЕНЕГ И LIBERUM VETO В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ, ИЛИ О СТРАНЕ БЕЗ УЗАКОНЕННОГО ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА¹

КОВАЛЁВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ,

*кандидат экономических наук,
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Беларусь;
профессор департамента социальных наук,
Европейский гуманитарный университет, г. Вильнюс, Литва,
e-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com*

*В статье дан анализ взаимодействия институтов денег и представительной демократии в Великом княжестве Литовском (ВКЛ). Цель статьи двояка: теоретическое осмысление взаимодействия спонтанных порядков и дополнение научной дискуссии о сложности и разнообразии монетарных практик историческим опытом ВКЛ. На протяжении своей истории страна избежала монополизации правительством права на эмиссию, что выражалось в отсутствии запрета на использование заграничной монеты в качестве средства платежа. Кроме того, на этапе становления государства в разных регионах существовали собственные денежно-весовые системы, соответствовавшие привычкам местного населения и наилучшим образом удовлетворявшие организации торговли с приграничными странами. Денежная система без запрета на обращение любой монеты демонстрировала гибкость, устойчивость и эффективность на протяжении столетий. Принятие государственных решений по экономическим и политическим вопросам осуществлялось в условиях ограничения великокняжеской власти парламентом. Парламентская демократия с традицией консенсусного принятия решений, длительное время поддерживаемая правом *liberum veto*, позволила создать эффективную правовую систему. Взаимодействие спонтанных порядков – демократии с традицией консенсусного принятия решений, права и денег – выразилось в противодействии ухудшению этих социальных институтов правительством.*

В статье расширена формулировка закона Грэшема: в условиях принудительного номинала некоторых монет и отсутствии запрета на использование качественной монеты лучшая монета вытесняет худшую.

Ключевые слова: *социальные институты; спонтанный порядок; деньги; узаконенное платежное средство; liberum veto.*

¹ Ранняя версия статьи была представлена на конференции «Одиннадцатые Лебедевские чтения» (Москва, 23 мая 2015 г.). Автор выражает признательность за комментарии и критические замечания, которые позволили улучшить текст, участникам конференции и лично Григорию Геннадьевичу Сапову.

THE INTERACTION OF THE INSTITUTIONS OF MONEY AND LIBERUM VETO IN GRAND PRINCIPALITY OF LITVA, OR ABOUT THE COUNTRY WITHOUT LEGAL TENDER

ALIAKSANDR KAVALIYOU,

*Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Department of Management, Belarusian National Technical University,
Minsk, Republic of Belarus;
Professor, Social Science Department, European Humanities University,
Vilnius, Lithuania,
e-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com*

The article presents an analysis of the interaction of social institutions such money and representative democracy in the Grand Principality of Litva. The article has a twofold goal: firstly, to contribute to the theoretical understanding of the spontaneous orders' interaction, and, secondly, to contribute the scientific discussion about the complexity and diversity of monetary practices, by the historical experience of Grand Principality of Litva. Throughout its history, the country has avoided government monopolization of the money issue. It was reflected in the absence of a prohibition for the usage of foreign coins as a mean of payment. In addition, at the stage of formation of the state different regions had their own monetary systems which corresponded to the habits of the local population and to best meet the organization of trade with neighbors. The monetary system without prohibition on any currency in circulation has demonstrated flexibility, sustainability and efficiency over the centuries. Decision-making process on economic and political issues was carried out under limitation of the prince power by Parliament. Parliamentary democracy with a tradition of consensus decision-making for a long time was supported the right of liberum veto. It made the possible to create an effective legal system. Interaction of spontaneous orders (democracy with a tradition of an unanimity rule for decision-making, law and money) promoted to defense of these social institutions from the deterioration by government.

The article broadens the Gresham's law: in the conditions of the compulsory denomination of some coins and the absence of a ban on the use of a quality coin, the good money drives out the bad ones.

Keywords: social institutions; spontaneous order; money; legal tender; liberum veto.

JEL: B53, D72, N13, P48

Введение

В статье представлен исторический и теоретический анализ денежного обращения в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) – стране, в которой отсутствовал запрет на использование заграничной монеты в качестве средства платежа.

Статья имеет двоякую цель: во-первых, дополнение научной дискуссии о сложности и разнообразии монетарных практик историческим опытом Великого княжества Литовского; во-вторых, теоретическое осмысление взаимодействия спонтанных порядков. Эффект сопряжения спонтанных порядков – выборной демократии с традицией консенсусного принятия решений, права и денег – выразился во взаимном поддержании данных общественных институтов против интервенционистского ухудшения правительством. Результаты анализа функционирования денежной системы в ВКЛ ведут к пересмотру роли государства в отношении ее эволюции. Вопреки распространенному мнению о том, что принятие законов об узаконенном платежном средстве (legal tender law) увеличивало доверие населения к используемой монете и

тем самым способствовало устойчивой ценности денег, опыт ВКЛ показывает, что денежная система без ограничений на оборот любой монеты демонстрировала гибкость, устойчивость и эффективность на протяжении столетий.

Изучение устройства денежной системы и монетарных и фискальных практик Великого княжества Литовского выходит за рамки исключительно экономико-исторического анализа. Исследование позволяет сформулировать ценные идеи для развития теории денег, особенно в части роли денег в социальном, политическом, культурном развитии. Особую актуальность придают выводам из исследования следующие обстоятельства.

Во-первых, в современном мире все больше вопросов, ранее решавшихся в рамках механизмов спонтанных порядков, стали регулировать различные государственные структуры, запрещая частным выполнять привычные ранее функции. При этом отсутствие конкуренции не позволяет обществу ни проверять качество предоставляемых государством услуг, ни заменять неудовлетворительные механизмы лучшими. Попытки же альтернативного создания благ ставятся тем же государством за рамки закона, как в случае с биткойном. Такое положение дел ведет к краху общественного устройства, которое Хайек назвал «Великим обществом», поэтому теоретическое понимание механизмов защиты развившихся социальных институтов становится жизненно необходимым.

Во-вторых, кризис еврозоны заставляет монетарные власти ЕС искать новые формы взаимодействия в рамках стратегии развития интеграционных процессов. История функционирования денежной системы ВКЛ показывает и эффективность «конкуренции валют» для устойчивости ценности денег, и возможность безболезненного вовлечения новых территорий в общехозяйственные процессы при децентрализации денежного чекана.

Обозначенная выше цель данной статьи обусловила и выбор групп публикаций, использовавшихся при ее написании. Анализ эволюции и взаимодействия институтов опирался на теорию спонтанных порядков австрийской школы (*Менгер, 1894; Мизес, 2008; Хайек, 1992; 2006; DiZerega, 2008; Леони, 2008*). Эволюции денег и функционированию децентрализованных денежных систем посвящены работы (*Menger, 2009; Nenovsky N., Penchev P., 2016; Ротбард, 2008*). История денежного обращения Великого княжества Литовского представлена в работах белорусских нумизматов и историков (*Рябцевич, 1995; Бектинеев, 2008; 2014; Гулецькі і др., 2007; Гулецкий, 2014*). Наконец, правовым аспектам и выборной парламентской демократии в ВКЛ и Речи Посполитой посвящены работы (*Масько, 2006; Podemska-Mikluch, 2012*).

Статья построена следующим образом: в первой части кратко рассмотрен процесс эволюции денег до принятия законов об узаконивании средства платежа, во второй – теоретические аспекты взаимодействия социальных институтов, в третьей и четвертой – фактология политической и денежной систем ВКЛ, в пятой изложены практики взаимовлияния институтов и их теоретическая интерпретация.

1. Узаконивание платежного средства:

Великое княжество Литовское как исключение

Теория происхождения денег, сформулированная К. Менгером (*Menger, 2009*), является функциональной в том смысле, что она опирается на выполнение деньгами их важнейшей народнохозяйственной функции средства обращения и основана на логике хозяйственного развития. На каждом рынке существует товар, обладающий наибольшей способностью к сбыту. Хозяйствующие люди в рамках косвенного обмена с течением времени начинают все в большей степени использовать такой товар именно в качестве посредника в обмене, придавая тем самым дополнительную ценность данному товару. Появление денег сокращает издержки обмена, связанные со временем поиска контрагента, и создает возможность экономического расчета, на порядки сокращая количество относительных цен.

Дальнейшее развитие денежной сферы являло собой такой же стихийный процесс. Изготовление монеты из отобранного денежного материала (золота и серебра) развивалось как обычный частный бизнес, предоставлявший обществу качественную монету удобных номиналов. Поскольку монета представляла собой очередной шаг по снижению издержек обмена (не требовались ни взвешивание, ни проверка пробы металла), производители извлекали сеньораж – доход от чекана монеты, получавшийся за счет превышения ценностью монеты ценности денежного материала.

Ротбард (*Ротбард, 2008*) показал, что одним из первых этапов завладения государством денежной системой общества явилась монополия на чекан монеты. Очевидная выгода от получения сеньоража дополнилась для государства возможностью откровенного мошенничества в форме «порчи» денег – уменьшения содержания драгоценного металла в монете при сохранении номинала и обязательности курса. Многочисленные случаи порчи монеты описаны в литературе (*Брегель, 1955; Ротбард, 2008; de Coto, 2008*). О степени порчи монет свидетельствуют следующие данные: «В XIII веке французский турский ливр составлял 98 г чистого серебра, к XVII веку он похудел до 11 г» (*Ротбард, 2008, с. 77*); «В Англии из фунта серебра чеканилось в 1290 г. 240 пенни, а в 1616 г. – 792, т.е. вес пенни уменьшился более чем в три раза» (*Брегель, 1955*).

При этом публика имела возможность противодействовать ухудшению качества монеты, сокращая количество плохой монеты «на руках», что выразилось в известном законе Грэшема: в условиях принудительного курса плохая монета вытесняет хорошую из обращения, поскольку качественная монета играет роль инструмента сбережения и накопления и тезаврируется населением. Следующим шагом государства по захвату денежной системы явилось введение для денег особого названия, которое перестало отражать вес металла, но придало монете национальную окраску. Ярким примером того, к чему это приводило, может служить эволюция чекана в Венесуэле. До 1954 г. «базовая» монета Венесуэлы называлась «грамм 5», чеканилась из серебра 835-й пробы, о чем четко указывалось на аверсе монеты. В 1954, 1960 и 1965 г. выпускался промежуточный вариант, когда на аверсе можно прочесть «Un bolívar. 1954. Gr 5. Lei .835». А с 1967 г. при полном сохранении рисунка и веса монета стала называться «1 боливар» и чеканиться из никеля.

Отрыв названия денежной единицы от ее весового содержания позволял ухудшать качество монеты. В среднем и позднем Средневековье в рамках захвата государством денежной системы были приняты законы об узаконенном средстве платежа (*legal tender law*), обязавшие в каждой стране принимать по номиналу выпущенную «правительством» валюту, даже если ее металлическое содержание значительно отличалось от заявленного. Кроме того, при обесценивании узаконенного платежного средства подобные законы давали преимущество должникам перед кредиторами при погашении долга. По мнению лорда Фаррера, с точки зрения права такие законы являются излишними (*Ротбард, 2008, с. 81, сноска*), поскольку в рамках обычного договорного права вполне можно предусмотреть возможность возврата долга в иной форме, если этому не будут противиться стороны договора.

Узаконивание платежного средства произошло по всей Европе. Великое княжество Литовское являлось исключением. На протяжении всей истории государства (с 1240-х до 1795 г.) в стране не запрещалось хождение иностранной монеты. Только в 1841 г., почти через 50 лет (!) после третьего раздела Речи Посполитой и включения земель ВКЛ в Российскую империю, российский рубль стал первым на территориях ВКЛ *legal tender*.

Почему ВКЛ избежало пути остальных государств? Нам представляется, что произошло это благодаря взаимодействию ряда спонтанных порядков.

2. Теоретические аспекты взаимодействия социальных институтов

Социальные институты формируют условия для человеческого взаимодействия в социальной, политической, экономической сферах. При этом само существование

институтов призвано уменьшить неопределенность окружающего мира (*North, 2003*). Именно институты как неформальные ограничения и формальные правила обеспечивают возможность предсказывать условия осуществления деятельности в будущем, повышая ее результативность.

Рассмотрение многих сложных социальных институтов как спонтанных порядков, возникающих в результате человеческих действий, но не человеческого замысла (*Фергюссон, цит. по Хайек, 1992, с. 7*), соответствует традиции австрийской школы. Менгер, Мизес, Хайек, Ротбард объяснили в таких терминах возникновение рынка, языка, права, денег и других институтов (*Менгер, 1894; Menger, 2009; Мизес, 2008; Хайек, 1992; 2006; Ротбард, 2008*).

Хайековский анализ политико-правовой системы подтверждает идею важности неформальных правил: «чувство, что некое действие будет столь скандальным, что окружающие этого не потерпят... не менее значимо, чем проведение в жизнь с помощью стандартных процедур, наличествующих во всех развитых системах права», при этом «целью правил [выводимых судьей или законодателями] должно быть согласование или увязка ожиданий, от которых зависит успех индивидуальных планов», гарантирующих соблюдение общего порядка (*Хайек, 2006, с. 115–117*). Для юридических решений залогом поддержания общего порядка является их предсказуемость, основанная на общих представлениях о справедливости более, чем на писаных правилах. Политические решения будут отвечать большинству ожиданий, если их результатом будет сохранение мира. В части максимального достижения ожиданий в сфере экономики важнейшими условиями являются соблюдение прав собственности и относительная устойчивость ценности денег.

Развитие институтов права, денег, демократии как спонтанных порядков, которые формировались не методами социального конструирования, а путем отбора практик, наилучшим образом способствовавших росту благосостояния использовавших их групп, позволило создать то, что Хайек назвал Открытым, или Великим, обществом.

В процессе эволюции взаимодействие различных институтов порождает различные эффекты – как позитивные, так и негативные с точки зрения воздействия на один из них. Самой яркой иллюстрацией противоречий во взаимодействии институтов является вмешательство института государства (правительства в широком смысле слова) в рыночную деятельность и область права. Для анализа эффектов вмешательства ДиЗерега построил такую логическую цепочку:

- порядки возникают из процедурных норм;
- нормы различны для различных спонтанных порядков – более того, разные порядки для своего развития требуют различных правил. Например, для достижения наивысшей результативности рынок требует переговоров, в то время как для научного успеха требуется внутренняя убежденность исследователя;
- нормы могут приводить и к положительным, и к отрицательным аспектам взаимодействия и внутри порядков, и между ними – и нет пределов сложности таких взаимодействий... (*DiZerega, 2008*).

Взаимодействие институтов анализируется и исследователями, работающими в неавстрийской традиции, – и их выводы также подтверждают возможные эффекты.

В.М. Полтерович (*Полтерович, 1999*) при анализе институциональных ловушек в качестве поддерживающего выделяет эффект сопряжения: укоренившаяся норма сопряжена с правилами, встроенными в систему других норм, и потому отказ от следования норме требует изменений во многих «цепочках», что ведет к высоким трансформационным издержкам (например, уклонение от налогов и непрозрачность и неэффективность расходования бюджета).

Таким образом, дополнительные эффекты, возникающие из взаимодействия институтов, являются перспективным направлением исследования спонтанных порядков.

3. Политическая система ВКЛ: демократия как принцип принятия решений

Политическая система ВКЛ представляла собой сочетание княжеской власти с развитой дворянской демократией. Государственное устройство представляло собой полиэтническую федерацию, причем разные регионы входили в нее на различных условиях. Это обусловило традиционно ограниченную власть Великого князя. Уже Витовт в 1388 г. обязался согласовывать свои действия с Радой, которая из совещательного органа через пять десятилетий трансформировалась в высший орган государственной власти под названием Паны-Рада (в документах на латинском языке именовавшаяся Сенатом). В нее входили канцлер, подканцлер, маршалки, подскарбий, удельные князья, воеводы и другие должностные лица. С 1492 г. все важнейшие дела: избрание Великого князя Литовского, утверждение законов, международные дела, оборона княжества, крупные судебные дела – решались только вместе с Радой.

В соответствии со Статутом 1529 г. при своем избрании князь заключал договор, по которому обязался соблюдать прежнее законодательство, сохранять права и льготы различных категорий населения и прежние должности, а также вводить новые законы и распоряжения общего характера только с согласия Вального Сойма. Начиная с 1572 г. должность Великого князя стала выборной, и объединение ВКЛ и Королевства Польского в Речь Посполитую не нарушило принцип выборности обоих народов.

Участие в политической жизни государства крупного (магнатов) и мелкого (шляхты) дворянства обеспечивала система соймов. Поначалу соймы были местными (городские собрания и поветовые соймики), порядок созыва и работы которых вплоть до XVI в. регулировался не отдельными законами, а обычным правом. В конце XV в. как орган власти оформился Сойм ВКЛ, в который кроме панов радных и приглашавшихся в полном составе магнатских родов входили представители шляхты – по одному ежегодно выбираемому депутату от каждого повета. В компетенции Сойма были вопросы войны и мира, налогов, изменения законодательства, судебной деятельности.

Анализ демократии привел Бруно Леони к выводу о том, что «ни одна представительская система, основанная на выборах, не может нормально работать, пока выборы проводятся с целью достижения групповых решений посредством волеизъявления большинства» (Леони, 2008, с. 146). Если говорить об учете мнения всех членов общества, то консенсусные решения (*курсив мой.* – А.К.) о коллективном выборе представляются идеальной формой выборной демократии (Леони, 2008, с. 158).

В ВКЛ (а позже – и в Речи Посполитой) данную идею поддерживало *liberum veto* – право любого посла (депутата) Сойма своим протестом не допустить принятия того или иного постановления. В действительности депутат, сорвавший решение, по которому имелось согласие остальных парламентариев, порицался общественным мнением, поэтому к применению права вето какая-либо парламентская коалиция могла прибегнуть только в случае серьезных разногласий по обсуждаемому вопросу. Вместе с тем до 1652 г. право вето ни разу не применялось на практике.

Подемска-Миклух обоснованно считает, что трансформация шляхетской демократии в демократию магнатскую привела и к изменению интерпретации права *liberum veto*: изначально отсутствие консенсуса становилось толчком к переговорам, обсуждению проблемных вопросов и достижению компромисса, а во второй половине XVII в. несогласие одного депутата могло остановить парламентскую сессию (Podemska-Mikluch, 2012).

В научной литературе, включая ее либеральное направление, бытует устоявшееся мнение, что *liberum veto* стало источником разногласий в государстве, приведшим к его развалу, поскольку отсутствие централизованной власти не позволяло достичь эффективного управления страной. На наш взгляд, именно отказ от данного права и привел к созданию «конфедераций», разрушивших государство. Проведение соймов под

конфедерацией означало применение к ним специальных правил – постановления не требовали единодушия, а принимались большинством голосов. На фоне вмешательства иностранных государств, выделявших деньги на организацию конфедераций, в Речи Посполитой в 1760–1790 гг. произошел упадок парламентаризма, который проявился в проведении «конфедеративных» соймов, утвердивших первые два раздела страны.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением о важной роли неформальных аспектов (в частности, интерпретации формальных законов) для эффективного функционирования правовой системы (*Podemska-Mikluch, 2012*). Верховенство права (the rule of law) в отношении денег на протяжении всей истории Великого княжества Литовского не испытало никаких негативных влияний изменения неформальных правил.

4. Денежная система ВКЛ: краткая фактология

Формирование ВКЛ проходило на фоне существовавших на территориях страны различных денежных систем. Литовский рубль представлял собой слиток серебра весом 189 г. Конечно, настолько крупные сделки, где бы применялся рубль, были редкими – и он скорее представлял собой счетную единицу, как фунт и лира в Западной Европе (*Кулишер, 2004, с. 373*). Функцию средства обращения выполняли более мелкие монеты. Стечение обстоятельств (отсутствие собственных серебряных рудников и удачное совпадение весового содержания мегалла) обеспечило широкое распространение в ВКЛ в XIV в. пражского гроша короля Вацлава IV. Грош весил 1,7-1,8 г, т.е. соответствовал 1/100 литовского рубля с учетом интереса эмитента (сеньоража). В результате пражский грош стал основой денежной системы ВКЛ на 170 лет. При этом и в начале XV в. содержание серебра в монете соответствовало 1/100 литовского рубля – и благодаря качеству пражский грош оставался наиболее популярной монетой до конца XVI в. (*Бектинеев, 2008, с. 63*).

Поскольку устойчивый пражский грош отлично выполнял функцию средства обращения, высказанное в 1350-е гг. желание князя Казимира «одна держава – одна монета» осталось существовать только на уровне лозунга.

Присоединение к ВКЛ Киевского княжества привело к двум интересным последствиям: во-первых, к чеканке Киевским княжеством собственных монет, соответствующих привычной для киевлян системе в 1360-е гг.; а во-вторых, к признанию константинопольским патриархом киевского иерарха Киприана митрополитом «киевским, русским и литовским», что означало получение ВКЛ статуса христианской державы. Это послужило толчком для начала в 1375 г. собственного чекана в ВКЛ мелкой монеты – пенязя – с изображением на ней христианского креста. Десятичная система к концу XIV в. дополнилась мелким номиналом и выглядела как 1 рубль = 100 пражских грошей = 1000 пенязей. Параллельно десятичной системе существовала и иная: 60 грошей составляли копу, которая была весьма распространена в расчетах.

Огромные пространства ВКЛ приводили к тому, что в разных его регионах популярностью пользовались разные деньги, что подтверждается и археологическими находками, и письменными источниками. Так, в Подолье и Киевщине основу денежного обращения традиционно составляли ордынские деньги (с примесью генуэзско-крымских). Найдены такие монеты с контрмаркой в виде родового герба Витовта исследователи объясняют политическими амбициями князя: мол, это знак победы над ордынским ханом (*Гулецькі и др., 2007, с. 45*). Но такое же контрмаркирование применялось к серебряным грошам из Чехии для того, чтобы отличать разнообразные некачественные монеты (гуситские, например) от качественной монеты Вацлава, потому мы склонны интерпретировать контрмаркирование выполнением функции информирования о монете.

В Подольской земле князя Кариатовичи чеканили до 1382 года серебряные монеты весом 1 грамм с изображением собственного герба (*Гулецькі и др., 2007, с. 68*). Кроме того,

во Львове чеканили медные пулы, что на первый взгляд представляется странным, поскольку ни польская, ни чешская система (расположенные рядом) не знали медных монет. Пулы имели плавающий курс к грошу и обеспечивали торговлю с татарами, традиционно эмитировавшими именно медную монету.

В Витебской, Полоцкой и Смоленской землях также существовали свои региональные денежно-весовые системы (Бектинеев, 2014), отличавшиеся от описанных выше. Например, в основе Витебско-Полоцкой системы в XIII в. была ногата (1,8 г), в качестве более крупных единиц – изрой (60 ногат) и рубль (105 ногат) (Бектинеев, 2008, с. 62).

Таким образом, на этапе становления монетная система ВКЛ основывалась на пражском серебряном гроше и дополнялась и счетной, и фактической монетой, наилучшим образом обеспечивавшей торговые взаимоотношения с соседними народами. Подобное разнообразие является естественным явлением и с чисто экономической точки зрения, и с позиции социально-культурной как обеспечивающее сохранение привычных систем для различных регионов государства. К аналогичному выводу приходят Неновский и Пенчев (Nenovsky, Penchev, 2016) в исследовании о денежном обращении Османской империи.

Открытый в 1492 г. Виленский монетный двор сначала чеканил пенязи, позже – полугроши, и, наконец, в 1535–1536 гг. были отчеканены первые гроши ВКЛ. Позже монетная система была дополнена трояками, шестаками, полугрошем, двупенязем. Пражский грош не исчез из обращения и соотносился с литовским в разные десятилетия XVI в. по курсу 1:1,2 – 1:1,4 (Бектинеев, 2008, с. 66–67).

После подписания Люблинской унии произошла унификация денежных систем Польши и ВКЛ. Соотношение 5:4 между литовскими и польскими деньгами, существовавшее до реформы 1578 г., препятствовало предыдущим попыткам унификации – традиции масштаба стоимости монет приводили к тому, что монетные дворы ВКЛ возвращались к номиналам и стопе своей системы. В этот же раз монеты сравнивались по весу, пробе и номиналу, сохраняя внешнее различие.

Начиная с 1529 г. в ВКЛ распространяется использование талеров, причем талеров не собственной чеканки (первый талер в Вильне будет отчеканен только в 1580 г.), а различных европейских стран. Стандартный талер «весил» 30 грошей (полкопы) и потому назывался иногда полукопек. В обращении находились талеры с разным весом и содержанием серебра, поэтому в целях информирования о монете в 1567 г. был издан великокняжеский универсал (декрет), которым регулировался курс полновесных и «неважных» талеров.

Не было ограничений на хождение иностранной валюты и в XVII–XVIII вв. Более того, с 1685 по 1764 г. на территории ВКЛ практически не производилось и регулярного чекана (Гулецькі и др., 2007). В этот период наибольшее распространение получила саксонская монета. На востоке – в Могилёве – в 1707–1709 гг. получила распространение и российская серебряная копейка. XVIII в. стал временем массового использования иностранной монеты – в первую очередь прусской, голландской, российской. Некоторые виды налогов взимались исключительно в качественной прусской «доброй» монете (Рябцевич, 1995).

Что касается золотых монет, то их выпуск в ВКЛ носил преимущественно декларативно-наградной характер, в обороте же использовались венгерские дукаты, английские нобли, португалы, позже – чеканенные саксонско-польские золотые.

5. Взаимодействие институтов: практика и теоретическое осмысление

Монетные дворы (мынцы) не являлись казенными предприятиями, хотя и входили в великокняжескую экономию. Они являлись самостоятельными бизнес-единицами, прибыль которых представляла собой разницу между номиналом монеты и стоимостью денежного материала плюс издержки изготовления монеты. Для того чтобы в условиях

конкуренции валют население страны пользовалось монетой ее собственного чекана, последняя должна была быть качественной как по полновесности металла, так и по набору номиналов. Мынцы сдавались в аренду, а государство брало на себя функцию контроля за ними. Во-первых, вардайн (контролер качества продукции, который проверял пробу металла и использование правильного легирующего материала – меди) подчинялся не руководству монетного двора, а непосредственно правительству. Во-вторых, понятие фальшивомонетничества распространялось на княжеские монетные дворы (!), и Статут ВКЛ 1588 г. предусматривал за это суровое наказание: «Тежъ хто бы монету нашу фалшоваль, переправоваль и обрезаваль, такъ теж мынцары **наши**, которые золото, серебро и инъшую матерю, належачую и прислухачую ку мынцы, фалшовали бы, зливали и мешали ку пожитку своему а ку шкоде речи посполитое, а того бы се на нихъ досветъчно, тые мают быти на горле огнемъ карани без милосердья» (*Статут ВКЛ, 1989, арт. 17*).

Само же правительство прибегало к выпуску неполновесной монеты крайне редко. Известный эпизод с наследством королевы Боны Сфорцы, наоборот, показывает ответственность подхода князя к репутации и денег, и правительства. Королева Бона, неаполитанская принцесса, после смерти своего мужа, короля и Великого князя Жыгимонта, уехала на родину, захватив с собой часть казны, и дала в долг испанскому королю Филиппу 430 000 золотых дукатов. Тот вернул долг серебряными испанскими талерами и полуталерами, которые решили не переплавлять для чекана собственной монеты, а контрмаркировали и пустили в обращение в качестве кредитных денег по завышенному почти вдвое курсу в 60 польских грошей. Страна впервые получила монету, ценность которой не основывалась на ценности материала. Справедливости ради следует отметить, что Великий князь обязался после окончания войны с Московией выкупить данную монету в казну по такому же курсу и обещание выполнил в 1565 г.: «Филипки далей ити межы людьми не мают» (*Бектинеев, 2008, с. 65*).

Другим эпизодом является выпуск в 1659–1668 гг. так называемых «боратинок» – медных шелягов (шиллингов, солидов – треть гроша) – арендатором Краковского монетного двора Титом Ливием Боратини. Ранее шеляги чеканились из низкопробного серебра – по новому же проекту их производственная себестоимость составляла около 15% от номинала, а дельта должна была покрыть расходы казны. Изначальный план выпуска монеты составлял два миллиона злотых, фактически же выпуск превысил 30 миллионов. Чекан стал настолько выгодным, что незаконные выпуски (особенно Сучавского монетного двора в Румынии) имели большее содержание металла, чем государственные деньги. Осознание публикой неполноценности монеты привело к тому, что при расчете в боратинках продавцы требовали доплату сначала 15%, а потом и до 70%. При этом нехватка разменной монеты обусловила нахождение шелягов в обращении до второй половины XVIII в. (*Гулецки и др., 2007, с. 152*).

Наконец, эмиссия в 1663–1666 гг. «тымфа» (от фамилии Тымф) – золотого, который весил всего 6,73 г, т.е. имел реальную ценность только около 40% от номинала, – также являлась осознанным действием правительства в период войны: на каждой из девяти миллионов монет было отчеканено на латыни: «Желание спасти Отчизну дороже настоящей ценности металла». Судьба тымфа была аналогична боратинкам – субъекты экономики благодаря наличию конкуренции валют просто отказывались от использования неполновесной монеты, подрывая основу ее существования. Отношение населения к таким деньгам характеризует народная расшифровка монограммы ICR («Ioannes Casimirus Rex» – «Ян Казимир король») как «Initium calamitatis Regni» – «Начало гибели государства».

Описанные примеры позволяют уточнить закон Грэшема, в соответствии с которым в условиях принудительного курса «худшая монета вытесняет лучшую», т.е. хозяйствующие субъекты тезаврируют более качественные деньги, выбрасывая

в обращение менее качественные. Принудительный номинал монет в условиях отсутствия запрета на использование качественной монеты не заставлял публику тезаврировать последнюю, ее нормально использовали как средство обращения – просто некачественную монету либо не принимали, тем самым выталкивая ее из оборота, либо использовали по реальному, а не приданному государством курсу.

В отношении исполнения долговых обязательств Статутом ВКЛ 1588 г. устанавливался следующий порядок: отсутствие срока давности, исполнение обязательств должниками в пользу наследников кредитора в случае его смерти, обязательное письменное оформление долга на сумму более 30 коп грошей, т.е. 60 талеров, а при отсутствии письменного обязательства возврату подлежала только эта сумма (*Статут ВКЛ, 1989*).

При рассмотрении судами дел о возврате долга указывалась не только сумма долга в номинале, но и государственная принадлежность монеты: «писар господарский Федка Хребтович выплачивает Якубу Довойновичу долг в 40 золотых вгорских» (*Масько, 2008, с. 16*).

В 1493 г. король Ян Ольбрахт издает указ, по которому один дукат объявляется равноценным 30 польским грошам, после чего такая сумма называется «золотым». Невзирая на это, Виленский городской суд в 1520 г. устанавливает, что мещанин Матвей Охмистрович имеет право требовать у мещанина Яна Довойновича возвращения долга «в двадцать золотых в золоте вгорских важных» (*Масько, 2006, с. 17*), т.е. возврат долга должен быть произведен не в серебре, а в золоте, в венгерских дукатах полноценного веса. В другом решении суда от того же года в отношении долга в «двадцать вгорских золотых» постановляется: вернуть долг «двадцать золотых в золоте, также добрых, важных», разрешая ответчику выбрать золотые не обязательно венгерские, но полновесные (*Масько, 2006, с. 17*).

В письменных источниках существует указание на два типа золотых: «важных», содержащих 33 гроша, и «кусых» – в 22 гроша. При этом в различных письменных распоряжениях Великого князя уже не указывается государственная принадлежность, но указывается степень «куцести» золотого: «Дано на 30 коней 300 золотых... а золотой по двадцати и два гроша» (*Масько, 2006, с. 17*).

Таким образом, никакого принудительного курса неполновесной монеты ни в законодательстве, ни в судебных решениях не существовало.

Формирование и развитие денежного обращения в ВКЛ происходило в условиях широко развитой торговли на большой территории. Это вело к знанию субъектами экономики того, какие деньги являются «хорошими», перманентному приспособлению монетной системы к потребностям рынка и необходимости соответствия «государственной» монеты требованиям рынка.

Выборная монархия и формирование представительской демократии на условиях *liberum veto* приводили к невозможности эффективного лоббирования монополизации чекана. Трактующаяся как одна из неотъемлемых функций монарха монетная регалия выглядела в условиях выборности Великого князя нелепо.

Ещё одним интересным аспектом взаимовоздействия социальных институтов явился язык. В белорусском и украинском языке для отражения родового понятия денег используется слово «грóшь» (бел.) и «грóші» (укр.). Принятие названия одной из монет для названия родового понятия денег широко распространено. А поскольку долгое время грош воспринимался как «привезённый» пражский грош, то никакого монопольного права на производство денег – *грошаў* – не мог получить свой Великий Князь.

В условиях «конкурентного решения» выбора в использовании любой иностранной валюты у представителей власти не возникало дополнительной «экономической» силы за счет мошенничества с деньгами, что позволило сформировать передовую правовую систему и в конце существования страны принять первую в Европе

Конституцию, а отсутствие монополии на чекан привело к достаточно твердым деньгам и редким попыткам их порчи.

Сложившаяся в ВКЛ система не была отменена после присоединения земель к Российской империи. До 1841 г. суды на территориях ВКЛ опирались на Статут ВКЛ, тогда же было отменено обращение золотого, и российский рубль стал первым узаконенным платежным средством на территории земель Великого княжества Литовского.

Заключение

Существование различных денежно-весовых систем на территории Великого княжества Литовского в сочетании с отсутствием запрета на обращение иностранной монеты является ярким примером того, что разнообразие монетарных практик – естественное явление. Кроме того, именно конкуренция валют способствовала устойчивости ценности денег. История денежного обращения ВКЛ предоставляет ценную информацию для развития взглядов на теорию денег.

Выборная монархия и формирование представительской демократии на условиях *liberum veto* приводили к невозможности эффективного лоббирования монополизации чекана, а отсутствие монополии на чекан обеспечило устойчивость ценности денег.

Развитие и поддержание спонтанных порядков уменьшает возможности присвоения государством функций, которые могут выполняться в рамках свободного общества, поэтому рассмотрение вопросов взаимной поддержки спонтанных порядков имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бектинеев Ш. И. (2008). Периодизация денежного обращения на территории Беларуси в IX–XVIII вв. // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*, Вып. 15. Мн.: Изд-во НАН РБ.

Бектинеев Ш. И. (2014). Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Мн.: Изд-во НАН РБ.

Брегель Э. Я. (1955). Денежное обращение и кредит капиталистических стран. М.: Госфиниздат.

Гулецкий Д. В. (2014). Монеты Великого княжества Литовского: 2-я половина XIV века до 1536 года. Мн.: УП «Энцыклапедыкс».

Гулецькі Дз., Грамыка А., Крываручка А. (склад.) (2007). Манеты Беларусі (да 1707 г.). *Ізрой-Magduclit* даведнік. Мінск: ІП Логвінаў.

Де Сото Х. У. (2008). Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум.

Кулишер И. М. (2004). История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум.

Леони Б. (2008). Свобода и закон. М.: ИРИСЭН.

Масько И. (2006). Золото в денежном обращении Великого княжества Литовского в конце XV – начале XVI века // *Банковский вестник*, № 4, с. 16–18.

Менгер К. (1894). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб.

Мизес Л. (2008). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Москва: Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум.

Полтерович В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, Т. 35, вып. 2, с. 1–37.

Рябцевич В. Н. (1995). Нумизматика Беларуси. Мн.: Польша.

Ротбард М. (2008). Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. М.: Социум.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. (1989). Мінск: БелСЭ.

Хайек Ф. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.

Хайек Ф. (2006). Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН.

DiZerega, G. (2008). New directions in emergent order research. *Studies In Emergent Order* (Vol. 1), 1–23.

Menger, C. (2009 [1892]). On the origins of money, Auburn: Ludwig von Mises Institute.

Nenovsky, N. and Penchev, P. (2016). Money without a State: Currencies of the Orthodox Christians in the Balkan Provinces of the Ottoman Empire (17th – 19th centuries) // *The Review of Austrian Economics*, 29(1) (March), 33–51.

North, D. C. (2003). The role of institutions in economic development. // *UN Economic Commission for Europe Discussion Paper Series*, 2003.2. (http://www.unece.org/fileadmin/DAM/oes/disc_papers/ECE_DP_2003-2.pdf – Дата обращения: 10.01.2017).

Podemska-Mikluch, M. (2012). The lost consensus: unanimity rule in the institutional context. (<https://ssrn.com/abstract=2175984> – Дата обращения: 11.01.2017).

REFERENCES

Bektineev, Sh. I. (2008). Periodization of money circulation on Belarusian territories at IX–XVIII centuries. *Materials on Belarusian Archeology*. Issue 15. Minsk: Izd-vo NAN RB. (In Russian).

Bektineev, Sh. I. (2014). Money circulation on Belarusian territories at IX–XVI centuries. Minsk: Izd-vo NAN RB. (In Russian).

Bregel, E. Ya. (1955). Money circulation and credit in capitalist countries. Moscow: Gosfinizdat. (In Russian).

De Soto, J. H. (2008). Money, bank credit, and economic cycles. Cheliabinsk: Sotsium. (In Russian).

DiZerega, G. (2008). New directions in emergent order research. *Studies in Emergent Order*, 1, 1–23.

Hayek, F. (1992). Fatal conceit: Errors of socialism. Moscow: Novosti. (In Russian).

Hayek, F. (2006). Law, legislation and liberty. Moscow: IRISEN. (In Russian).

Huletski, D. V. (2014). Coins of the Grand Principality of Litva: Second half of the 14th century – 1536. Minsk: UP Enciclopedics. (In Russian).

Huletski, D., Gramyka, A., Kryvaruchka, A. (compilers) (2007). Coins of Belarus (before 1707). *Izroy-Magduclit Handbook*. Minsk: IP Lohvinau. (In Belarusian).

Kulisher, I. M. (2004). History of economic life in Western Europe. Cheliabinsk: Sotsium. (In Russian).

Leoni, B. (2008). Freedom and the law. Moscow: IRISEN. (In Russian).

Masko, I. (2006). Gold in money circulation of Grand Principality of Litva at the end of XV – beginner of XVI centuries. *Bankovskij Vestnik*, 4, 16–18. (In Russian).

Menger, C. (1894). Investigations into the method of the social sciences with special reference to economics. Sankt-Petersburg. (In Russian).

Menger, C. (2009 [1892]). On the origins of money. Auburn, Ludwig von Mises Institute.

Mises, L. (2008). Human action: a treatise on economics. Moscow: Cheliabinsk: Irisen: Mysl': Sotsium. (In Russian).

Nenovsky, N., Penchev, P. (2016). Money without a State: Currencies of the Orthodox Christians in the Balkan Provinces of the Ottoman Empire (17th – 19th centuries). *The Review of Austrian Economics*, 29(1) (March), 33–51.

North, D. C. (2003). The role of institutions in economic development. *UN Economic Commission for Europe Discussion Paper Series*, 2003.2. (http://www.unece.org/fileadmin/DAM/oes/disc_papers/ECE_DP_2003-2.pdf – Access Date: 10.01.2017).

Podemska-Mikluch, M. (2012). The lost consensus: unanimity rule in the institutional context. (<https://ssrn.com/abstract=2175984>. – Access Date: 11.01.2017).

Polterovich, V. M. (1999). Institutional lock-in effects and economic reforms. *Ekonomika i Matematicheskie Methody*, 35(2), 1–37. (In Russian).

Ryabcevich, V. N. (1995). Belarusian numismatics. Minsk: Polymya. (In Russian).

Rothbard, M. (2008). What has government done to our money? Moscow: Sotsium. (In Russian).

Statut of Grand Principality of Litva 1588: texts, handbook, comments. Minsk: BelSE, 1989 (In Belarusian).